

«В ОКОПАХ»

Перед вами не исторический опус и не история Первой мировой войны в комиксах, а череда изложенных даже не по порядку ситуаций, в которых не по доброй воле оказывались разные люди, очевидно, не слишком довольные сложившимися обстоятельствами.

Они всего лишь надеялись пожить еще хоть часок.

Но более всего им хотелось домой... И чтобы поскорее кончилась война! Нет никакого «главного героя» в этом скверном приключении под названием «война», а есть лишь крик — оглушительный предсмертный крик неизвестной жертвы.

По понятным причинам я освещал тему с позиции французов. Но как вели себя в той же ситуации англичане? О чем думали итальянцы? Мы и без того слабо представляем, что было в головах у молодежи 1914 года... Конечно, я упоминаю здесь большинство стран, замешанных в том конфликте, а немцы

постоянно появляются в тексте под именем «бош» (без всякого презрения — просто такова терминология того времени). Надеюсь, меня поймут правильно и не обвинят в реваншизме или национализме из-за напоминаний о том, как бодро и весело сгоняли несчастный колонизированный народ на всеобщий «праздник». В центре моего внимания всегда человек, вне зависимости от его цвета кожи и национальности; человек несвободный; человек, жизнь которого не стоит ничего, попади она в руки сильных мира сего... Звучит банально, но ничего не меняется даже в наши дни.

Меня до глубины души растрогали фотографии, предоставленные моим дорогим «архивариусом» Жан-Пьером Верне... На снимках были лица бедных парней — и немцев, и французов. Несмотря на бра- вый вид, в их взглядах читались потеряность, страх

и тоска... Я часто думал: как можно было жить среди вечных перестрелок? Как спать и просыпаться по утрам? Где эти люди находили надежду и силы?

Дождь, хандра, холод, взрывы... Вполне понятно, почему солдаты шли на самострел, бунты, дезертирство... Я рассказал здесь далеко не все, ибо это выше человеческих сил. Еще с дедушкиных историй о войне меня постоянно мучило желание понять, что это было за время — начало века. Я обращался к книгам, и они часто вдохновляли меня, давали историческую основу сюжетам, которые я затем облакал в литературную форму. У меня не было цели классифицировать виды оружия и военной формы (хотя мне, конечно, пришлось изучить вопрос), и уж тем более я не планировал подсчитывать количество снарядов на квадратный метр и число людей, задействованных в той или иной операции.

Я не использовал те «факты», что давным-давно все- сторонне изучены историками, и уж тем более рассказы очевидцев, но некоторые сведения у последних я все же почерпнул. Ведь не стоит забывать, что «официальные данные» разнятся от одного исторического труда к другому.

Я не был на той войне, и потому мне пришлось поверить порой сомнительным рассказам, непроверенным или противоречивым сведениям: специалист найдет, к чему здесь придраться... Меня волнует только человек, и глубина человеческих страданий приводит в гнев... Это наша История, история Европы, и XX век — эпоху индустриализации и смерти — открыл именно инцидент в Сараево. Первая мировая война принесла массу «удачных» находок: газовые атаки открыли новые горизонты, вдохновили на новые идеи, это было так «свежо»... Но подоб-

ные идеи — ровесники кроманьонцев: жестокость издревле присуща человеку. Мы лишь истребляем друг друга все более замысловатыми способами, за что надо благодарить войну 1914–1918 годов, революцию в России в 1917-м и становление Америки. Мы долго пожинали плоды всего этого. Но с тех пор многое изменилось, хотелось бы сказать — в лучшую сторону... 11 ноября чествуют «стариков» (много ли их осталось?). Им было по двадцать лет в 1915 году, у них отняли юность и будущее. Так что не смейся над ними...

ТАРДИ, 1993

СПАСИБО ЖАН-ПЬЕРУ ВЕРНЕ

— **А вот у солдата, которого судят в сельской школе, связаны руки?**

— Нет же! Суда еще не было. Он стоит навтыжку меж двух вооруженных бойцов. Можешь показать его с непокрытой головой или в пилотке, а можно с каской в руке или на голове...

— **Он в шинели?**

— Или в кителе... С португеей, но без кобуры.

— **Так-так, китель... А у него есть на спине пуговицы? Может, хлястик?**

— Нет, ничего, пуговицы только спереди, семь штук, посередине, застегнуты. И еще воротник-стойка.

— **Теперь сам суд...**

— Значит так: можешь изобразить полковника, командира, капитана, двух лейтенантов. Лейтенанты как будто прямо с передовой: нарисуй их в шинелях, с касками в руках, а остальных — в парадных мундирах, при орденах. Все сидят за большим столом.

— **Для расстрела солдата ставят к столбу с завязанными глазами?**

— Необязательно, глаза завязывали по желанию. Иногда вешали мишень из белого картона у сердца... Холостой патрон был только у одного из расстрельной команды.

— **В команде двенадцать солдат?**

— Да, но бывало по-разному. Можно нарисовать офицера, который обращается к солдатам: «В воздух не стрелять, иначе начнем все заново!»

— **Ох, тут места не хватит... Жаль. Надо бы эту сцену где-то использовать потом...**

Я говорю по телефону с Жан-Пьером Верне, который знает все до мелочей про войну 1914–1918 годов.

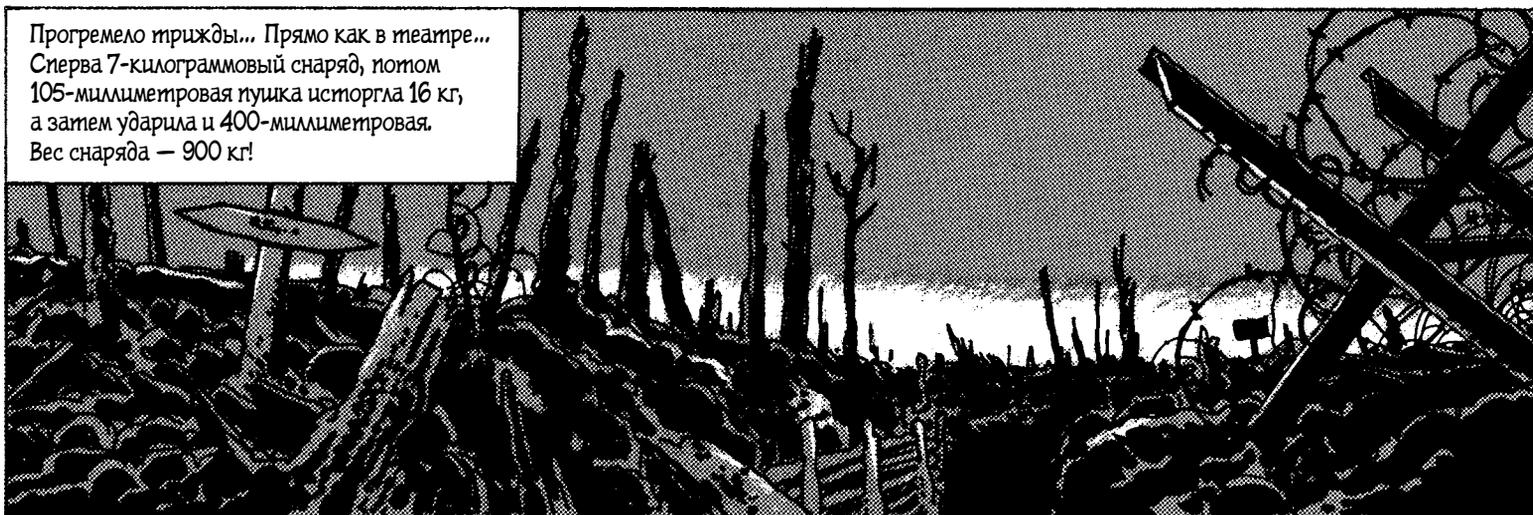
Я советуюсь с ним ежедневно. Каждый рисунок этого альбома предваряет длинная беседа по телефону, иногда даже не одна. Не говоря уже про множество документов и предметов, которые он мне показал... Я благодарен ему за глубокие познания, отзывчивость и терпение в общении со мной.

ТАРДИ

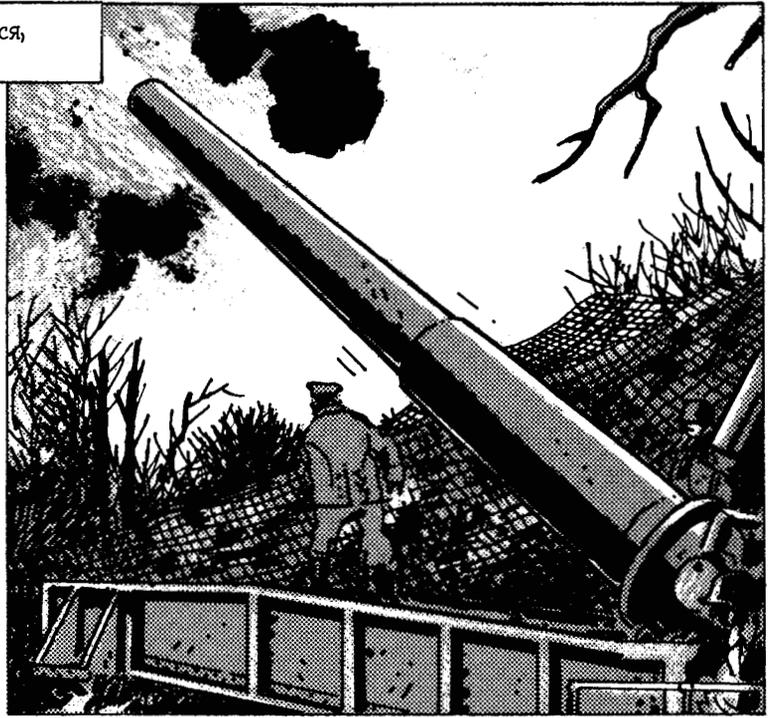
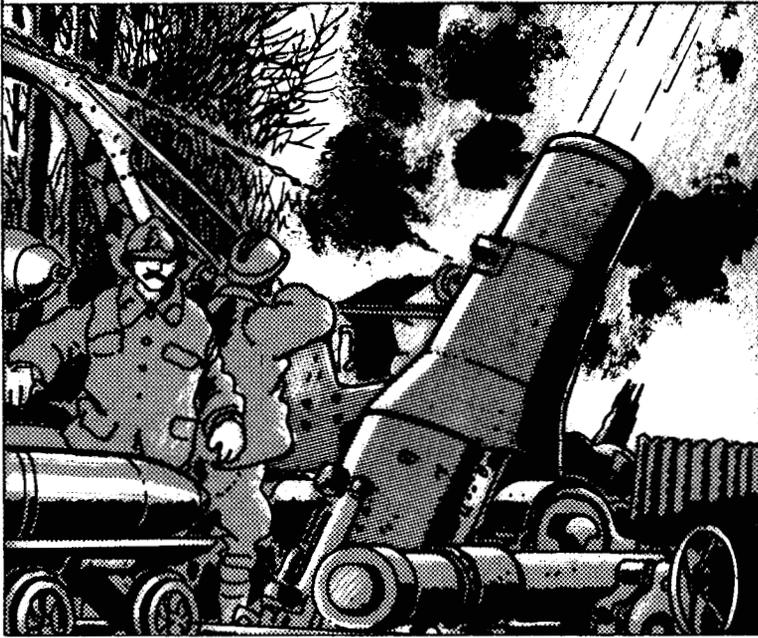
Октябрь 1917-го...

Прогремело трижды... Прямо как в театре...
Сперва 7-килограммовый снаряд, потом
105-миллиметровая пушка исторгла 16 кг,
а затем ударила и 400-миллиметровая.
Вес снаряда — 900 кг!

В начале дня артиллерия изводит тонны взрывчатки. Пушки нагреваются, артиллеристы глохнут.

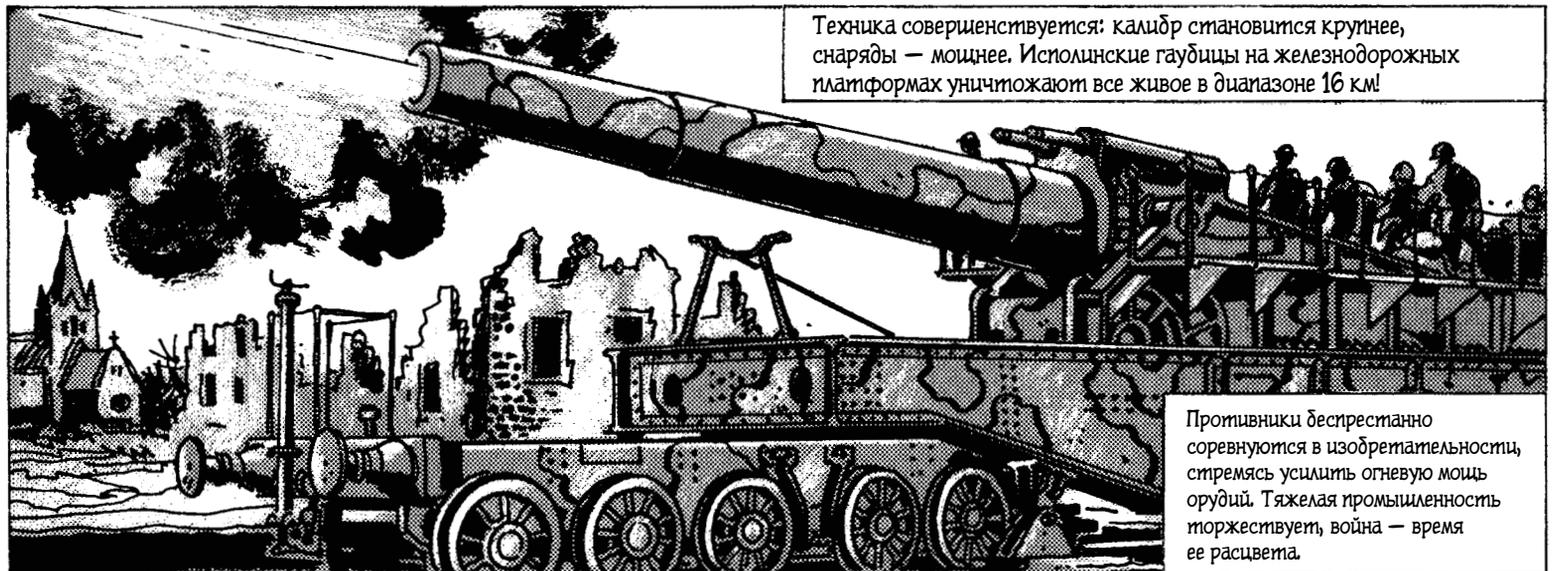
С одной стороны палят немецкие пушки с рурских заводов Круппа...

... с другой им вторят французские машины из Ле-Крёзо и Сент-Этьена, танки Шнейдера, Сен-Шамона и других выдающихся деятелей...

Техника совершенствуется: калибр становится крупнее, снаряды — мощнее. Исполинские гаудицы на железнодорожных платформах уничтожают все живое в диапазоне 16 км!

Противники беспрестанно соревнуются в изобретательности, стремясь усилить огневую мощь орудий. Тяжелая промышленность торжествует, война — время ее расцвета.

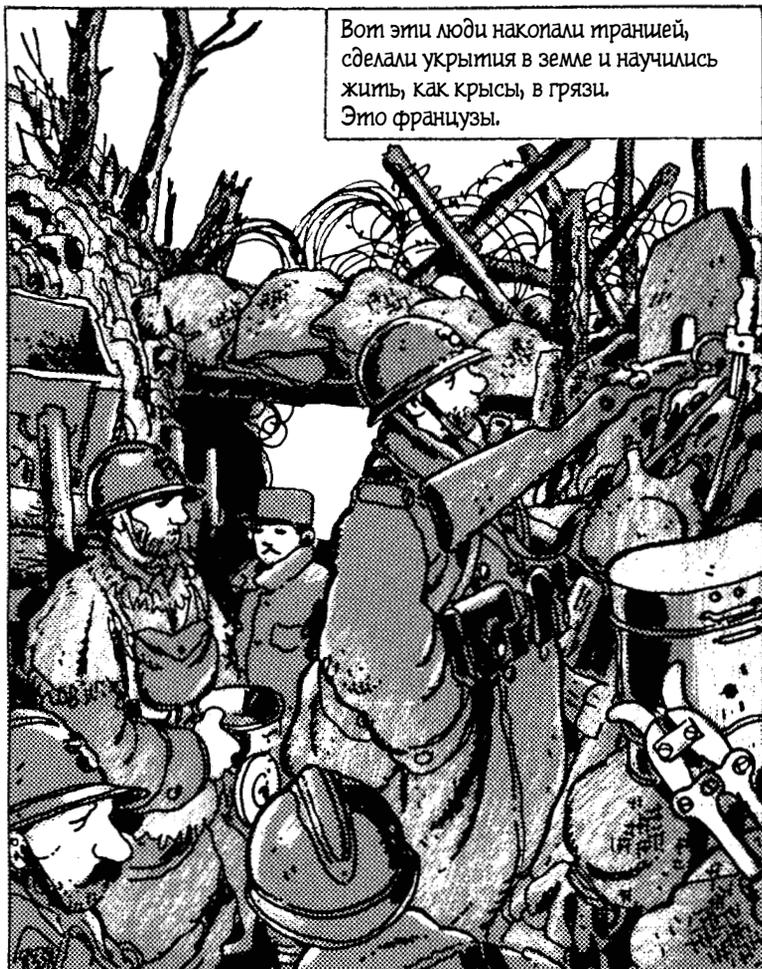
Мы стреляем по лодям... И это в порядке вещей: вот уже три года мы ведем окопную войну...

...Самое удивительное, что там, в окопах, еще теплится жизнь, сколько ни стреляй по этому клочку земли.

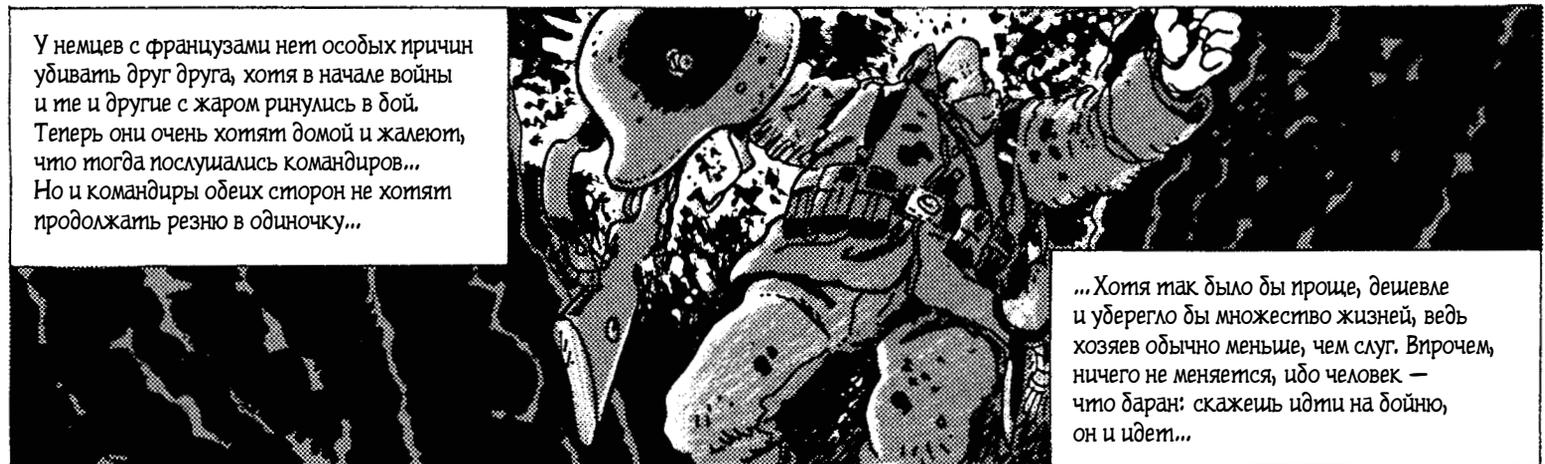
Вот эти люди накопили траншею, сделали укрытия в земле и научились жить, как крысы, в грязи. Это французы.

С другой стороны картинка та же, но траншеи лучше, ведь их копали немцы. Французы прозвали врагов дошами то ли из презрения, то ли из ненависти, а может, по глупости. Ибо что такое война, как не глупость?

У немцев с французами нет особых причин убивать друг друга, хотя в начале войны и те и другие с жаром ринулись в бой. Теперь они очень хотят домой и жалеют, что тогда послушались командиров... Но и командиры обеих сторон не хотят продолжать резню в одиночку...

...Хотя так было бы проще, дешевле и удерегло бы множество жизней, ведь хозяев обычно меньше, чем слуг. Впрочем, ничего не меняется, ибо человек — что баран: скажешь идти на бойню, он и идет...

Место столкновения противоборствующих армий — фронт. А между линиями обороны лежит нейтральная полоса, или ничья земля, как зовут ее англичане.

Частенько солдатам приказывают покинуть траншею, и тогда на нейтральной полосе ведутся ужасающие ближние бои. Задача французов — захватить передний край обороны немцев; задача немцев — захватить передний край французов...

На нейтральной полосе установлены проволочные заграждения, предохраняющие от неожиданных нападений. Воронки от снарядов заливаются дождем. Среди всевозможных обломков лежат тела погибших и раненые в предсмертных корчах.

По ночам здесь что только не происходит: солдаты приходят посмотреть, как там противник, лапают прорехи в колючке, совершают вылазку за пленными, забирают раненых или хоронят убитых соратников, которые лежат с открытыми глазами, гниют, зацепившись за проволоку, и нагоняют тоску на солдат.

На переднем плане — убитый солдат 2-го класса Бине.

Бине был у друствера, когда явился капитан, редкий гость на передовой, и приказал Фошо проверить воронку у развалин фермы. Там находился наш сторожевой отряд, и от него давно не было вестей.

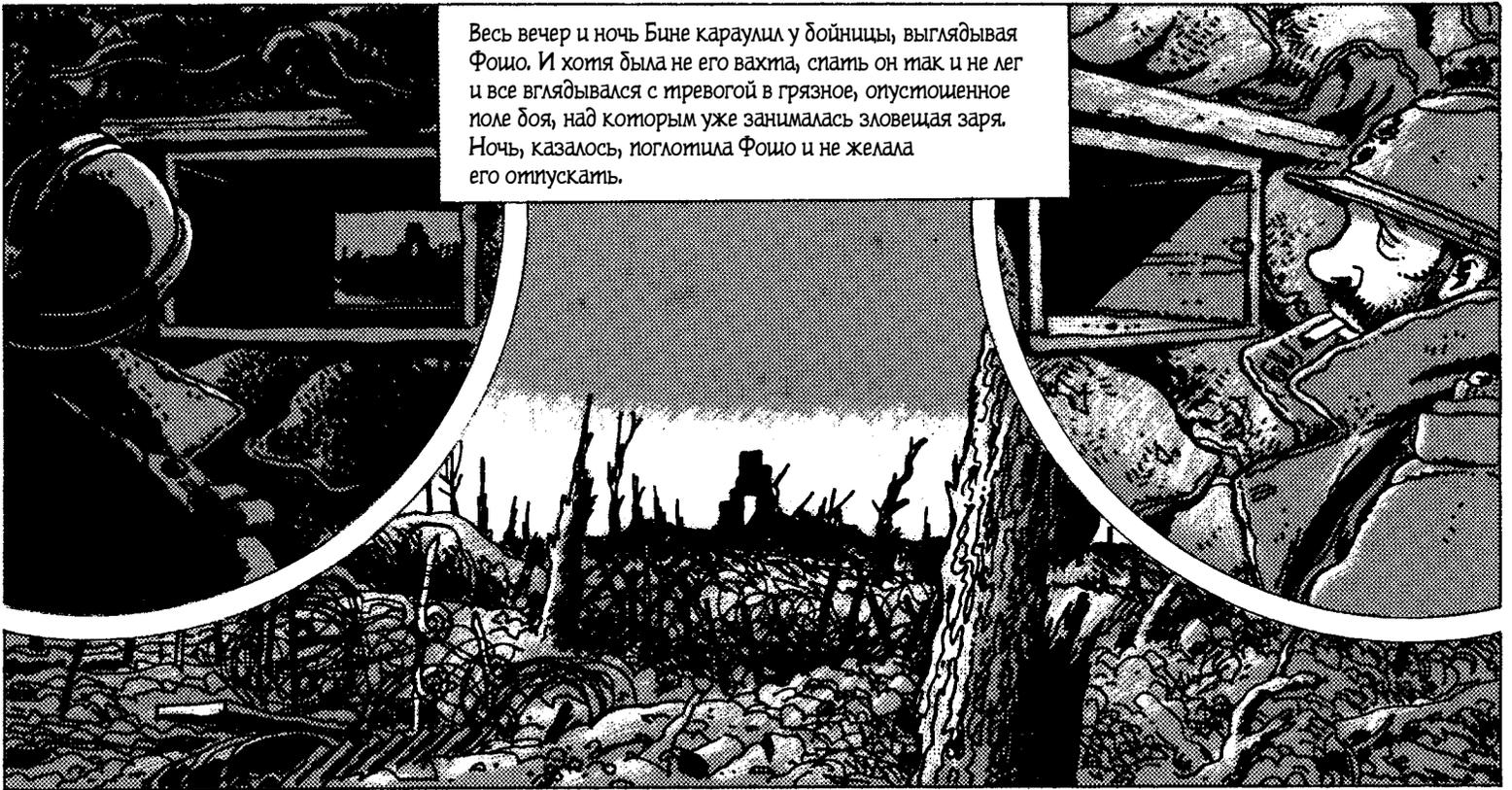

Капитан отдал еще кучу распоряжений Фошо, и в полдень тот отправился в путь с вещмешком, полным гранат. Прежде чем вылезти из траншеи, он отдал Бине конвертик из голубой бумаги вроде той, в которую школьники заворачивают учебники.

Бине долго смотрел, как Фошо полз по нейтральной полосе, пока не скрылся из виду. Добрался ли он благополучно до воронки у бывшей фермы? Днем послышался взрыв гранаты. А после — тишина...

Весь вечер и ночь Бине караулил у бойницы, выглядывая Фощо. И хотя была не его вахта, спать он так и не лег и все вглядывался с тревогой в грязное, опустошенное поле боя, над которым уже занималась зловещая заря. Ночь, казалось, поглотила Фощо и не желала его отпустить.

День прошел спокойно. Вестей от Фощо так и не было. Ночью батальон стал отходить.

Солдаты пробивались через грязь по закоулкам траншей до последней линии, где они наконец скрылись из поля зрения немцев и смогли выйти на поверхность.

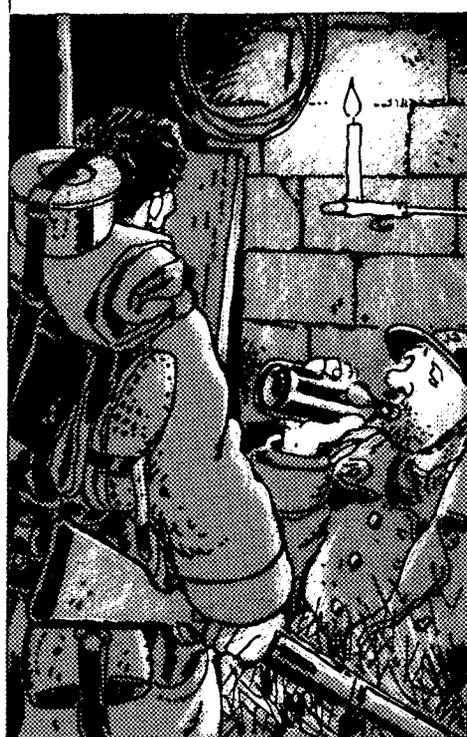
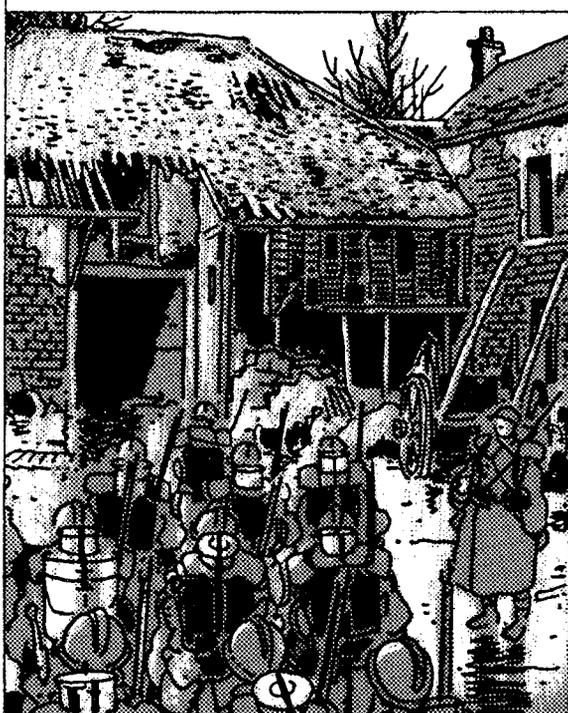

На заре после шестичасового марш-броска они добрались до деревни в тылу, где им полагалось несколько дней отдыха. Они убедились, что отошли достаточно далеко от зоны боевых действий, когда увидели двух жандармов.

О жандармах всякое рассказывали, и эти истории сводили с ума солдат, которые еще ничего, кроме тыла, не видели. Во время последнего отступления жандармы перестреляли отстававших. Говорили, что солдаты повесили пару легавых из-за стычки. Бине, в общем-то, был не против того, что их вешают... Совсем не против!

Измученные, они добрались до фермерских амбаров, где им предстояло ночевать. Сохранившиеся жилые дома были заняты офицерами, и те уже спали...

У кого водятся денежки, найдет ночлег получше, но большинство устраивается на подстилке из гнилой соломы.

Настоящий отдых: пара дней в деревне, в тылу, где безопасно, в сравнении с траншеей, и можно побыть наедине с собой, а не в тесноте, которая так угнетала Бине. Меж тем амбар, куда их заселили, уже превращался в казарму: солдаты начали «брататься» и зубоскалить. Тела лежали вповалку и источали вонь.

Среди них были и славные безлобные парни, и расторопные, и ушлые, и поразительно тупые увальни, и доброжелательные, и совсем уж бестолочи...

Как всегда, нашелся и свой зануда, несносный всезнайка. Этот парижанин был, пожалуй, самым противным из всех: ему все казалось, что он тут главный, как учитель в школе.

...Были тут и молчуны — таких Бине уважал более остальных. Но когда становилось совсем невмоготу, Бине ненавидел их всех... Не было у него чувства локтя.

